

Бородина Е. В. «Случайные жертвы» суда и следствия : к проблеме содержания подозреваемых и ответчиков в Российской империи в 1725—1741 годы / Е. В. Бородина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 397—418. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-397-418.

Borodina, E. V. (2022). “Accidental Victims” of Trial and Investigation: Problem of Keeping Suspects and Defendants in Russian Empire in 1725—1741. *Nauchnyi dialog*, 11(4): 397-418. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-397-418. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-397-418

«Случайные жертвы» суда и следствия: к проблеме содержания подозреваемых и ответчиков в Российской империи в 1725—1741 годы

Бородина Елена Васильевна
orcid.org/0000-0002-8128-5698
ResearcherID AAB-5790-2020
ScopusID 57219272606
кандидат исторических наук
sosnovi-bor@yandex.ru

Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

“Accidental Victims” of Trial and Investigation: Problem of Keeping Suspects and Defendants in Russian Empire in 1725—1741

Elena V. Borodina
orcid.org/0000-0002-8128-5698
ResearcherID AAB-5790-2020
ScopusID 57219272606
PhD in History
sosnovi-bor@yandex.ru

Institute of History and Archeology
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia)

© Бородина Е. В., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме ареста подозреваемых в России в 1725—1741 годы. В результате анализа историографии и исторических источников автор пришел к выводу, что история суда в России раннего нового времени неразрывно связана с историей мест заключения, так как российские тюрьмы XVIII века были предназначены преимущественно для содержания ответчиков, а не для наказания преступников. Изучение нормативных правовых актов середины XVII века — 1741 года показало, что арест как мера, необходимая для своевременного представления тяжущихся в суд, впервые официально оговаривается в указе «О форме суда» от 5 ноября 1723 года. Сопоставление норм законов и реальной практики судопроизводства центральных и региональных учреждений позволило выявить, что институт ареста подозреваемых и ответчиков не был в должной мере урегулирован. Он являлся «слепой зоной» в законодательстве, которая приводила к переполненности тюрем. Норма об аресте подозреваемых усугублялась введением в царствование Петра Великого ревизионно-решающего порядка утверждения приговоров и пересмотра судебных дел, который касался тяжких преступлений, и значительной протяженностью территории России.

Ключевые слова:

история России; Российская империя; XVIII век; история государства и права; судопроизводство; история тюрьмы; истец; ответчик; арест.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the problem of the arrest of suspects in Russia in 1725—1741. As a result of the analysis of historiography and historical sources, the author came to the conclusion that the history of the court in Russia in the early modern period is inextricably linked with the history of places of detention, since Russian prisons of the 18th century were intended primarily to hold defendants, and not to punish criminals. The study of normative legal acts of the middle of the 17th century — 1741 showed that the arrest as a measure necessary for the timely presentation of litigants to the court was officially stipulated for the first time in the decree “On the form of the court” of November 5, 1723. A comparison of the norms of laws and the actual practice of legal proceedings of central and regional institutions revealed that the institution of arrest of suspects and defendants was not properly regulated. It was a “blind spot” in legislation that led to prison overcrowding. The rule on the arrest of suspects was aggravated by the introduction in the reign of Peter the Great of a revision-decisive procedure for approving sentences and reviewing court cases, which concerned serious crimes, and a significant extent of the territory of Russia.

Key words:

Russian history; Russian empire; XVIII century; history of state and law; legal proceedings; the history of the prison; plaintiff; defendant; arrest.

«Случайные жертвы» суда и следствия: к проблеме содержания подозреваемых и ответчиков в Российской империи в 1725—1741 годы

© Бородина Е. В., 2022

1. Введение = Introduction

Изучение истории судопроизводства в России раннего нового времени нередко оказывается связано не только с анализом законодательных актов, содержащих нормы процессуального права, но и с реконструкцией основных этапов судебного процесса на основе судебно-следственных документов. При работе с историческими источниками, отложившимися в результате деятельности судебных учреждений, историк нередко оказывается поставлен перед необходимостью расширения границ своего исследовательского поля. В частности, понимание истории судостройства и судопроизводства в Российской империи XVIII века невозможно без пристального внимания к проблеме содержания лиц, находившихся под следствием.

Данное обстоятельство обусловлено тем, что органы суда не только выносили приговоры, но и оказывались местами временного заключения ответчиков или обвиняемых, проходивших по судебному делу. Такая практика была характерна как для региональных, так и для центральных учреждений с периода не позднее XVII века [ПСЗРИ, т. 3, с. 31]. В то же время анализ законодательных актов за вторую половину XVII века показал, что среди тюремных сидельцев наряду с уже осужденными правонарушителями находились подозреваемые, проходившие по делам челобитчиков [ПСЗРИ, т. 2, с. 513—514, 552; ПСЗРИ, т. 3, с. 31]. Например, 19 февраля 1689 года Разбойному приказу был объявлен именной указ, запрещавший держать колодников «за решеткою и под приказом». Всех их требовалось передать на тюремный двор. Несмотря на это, практика содержать находившихся под следствием в стенах учреждения сохранялась на протяжении всего XVIII века [ПСЗРИ, т. 6, с. 177; ПСЗРИ, т. 7, с. 779, 908; ПСЗРИ, т. 8, с. 390; ПСЗРИ, т. 9, с. 135, 189—190, 299—300, 592].

Таким образом, история суда в России XVII—XVIII веков оказывается тесно связанной с историей тюремных учреждений. Изучение истории тюрем Российского государства начинается уже в XIX веке и на данный момент имеет большую историографическую традицию. В разные периоды развития историко-юридических исследований ученых интересовали различные аспекты содержания заключенных. Тюрьмы рассматривались

с точки зрения формально-юридического подхода: историков и юристов занимали в первую очередь вопросы законодательного регулирования этой сферы [Филиппов, 1891; Печников, 2004]. Ставился вопрос о месте тюрем в системе наказаний Московского государства и Российской империи [Сергеевский, 1887; Фойницкий, 1889; Коллманн, 2016]. Кроме того, места заключения изучались в связи с историей политического сыска в России [Семевский, 2006; Анисимов, 1999]. В последние годы появляются исследования, где тюремные учреждения рассматриваются с точки зрения институционального подхода, как структурное подразделение какого-то ведомства [Акельев, 2012], а также с точки зрения истории повседневности (тюрьма как часть повседневной жизни российского общества) [Каменский, 2006]. Много внимания уделяется реконструкции быта заключенных [Есипов, 1880; Никитин, 1880; Мещанинов, 1905; Покровский, 1974].

Многообразие исследований, посвященных истории тюрьмы, позволяет выяснить, как была организована жизнь заключенных и каковы были виды тюрем в России раннего нового времени, но не дает понимания особенностей содержания лиц, находившихся под следствием. Еще меньше о практике ареста обвиняемых мы узнаем из работ, анализирующих основы процессуального права в России этого периода [Линовский, 1849; Михайлов, 1856; Кавелин, 1859; Дмитриев, 1859; Wartman, 1974; Маньков, 1980; Хрусталева, 2003].

Об аресте подсудимых можно найти лишь отдельные упоминания. Так, например, И. Я. Фойницкий отметил, что «арестанты подследственные носили название колодников и к ним относились строже, чем к решеным» [Фойницкий, 1889, с. 316]. А. Н. Филиппов писал о том, что «тюрьма и держание в ней людей имели в XVII и XVIII веках весьма широкое распространение не только потому, что применялись к лицам, попадавшим в нее уже за совершенное преступление, но и потому, что личное задержание рассматривалось как полицейская мера безопасности» [Филиппов, 1891, с. 182]. Лишение свободы воспринималось не как наказание, а как «общественная мера» [Там же, с. 357].

В. А. Линовский также рассматривал задержание обвиняемого как «необходимую меру для будущего следствия», которая предупреждала от побега, не давала возможности договориться сообщникам о показаниях, а также не позволяла совершить преступнику новые правонарушения, способствовала поиску настоящего виновного. Большую роль содержание под стражей играло в судопроизводстве по особо тяжким преступлениям [Линовский, 1849, с. 135, 137].

М. М. Михайлов считал заключение под стражу в России раннего нового времени средством обеспечения гражданского иска [Михайлов, 1856,

с. 111]. Кроме того, арест являлся способом «побуждения ответчика к ответу и отвращения проволоочки» [Там же, с. 113].

Ученые отмечают, что колодники находились в тюрьме до окончания дела. Очень часто судебное разбирательство затягивалось, поэтому дни, проведенные под арестом, как правило, засчитывались в качестве наказания [Филиппов, 1891, с. 363—364]. Между тем вопрос о длительности заключения подследственных и отношении к срокам ареста до сих пор остается малоизученным, что определяет актуальность и новизну исследования. Он может быть решен при помощи более тщательного анализа законодательных актов и привлечения других исторических источников.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Фонды центральных и региональных архивов содержат значительное количество материалов суда и следствия за первую половину XVIII века, прежде не вводившихся в научный оборот. Если документы центральных и высших государственных учреждений активно изучаются историками, то источники, отложившиеся в результате деятельности региональных органов суда и управления, как правило, редко попадают в поле зрения ученых. Между тем знакомство с ними нередко может поставить новые исследовательские вопросы.

Так, например, в фонде «Кунгурской воеводской канцелярии» Росийского государственного архива древних актов (РГАДА) находятся документы суда и следствия за вторую половину 1720-х — 1730-е годы. Среди них можно найти доношение от 16 декабря 1736 года следующего содержания: «В нынешнем 1736-ом году назад, тому недель пять, пришел я нижеименованный в город Кунгур по иноверческому татарскому закону к целованию Курана в верности Ея Императорского Величества, чтоб быть верным и послушным рабом по своей вере. И в то ж время Уфинского уезду деревни Чювашской Подтитешных гор татарин Кульмет, а чей сын не упаметую, говорил, будто я нижеименованный у брата Бекметя Кульметева отнял вотяка, а я никакого вотяка у Бекметя и ни у кого не отнимывал, а ныне я нижеименованный содержусь в канцелярии под арестом. Того ради Кунгурская канцелярия воеводского правления сим доношением о вышеписанном предьявляю, и о свободе ис канцелярии ис-под аресту на сие мое прошение прошу о учинении мне милостивого решения» [РГАДА, ф. 518, оп. 1, д. 42, л. 500—500 об.].

Воевода отреагировал на доношение, о чем свидетельствует находившаяся под ним приписка с распоряжением узнать у всех канцелярских служителей учреждения, по какой причине был задержан татарин [РГАДА, ф. 518, оп. 1, д. 42, л. 501]. Ни один делопроизводитель не нашел сведений

об аресте. Спустя пять недель задержания татарин был отпущен домой [РГАДА, ф. 518, оп. 1, д. 42, л. 501—503].

Описанный выше случай является показательным, так как демонстрирует темпы прохождения разбирательства по тому или иному делу. В то же время он ставит перед исследователем новые вопросы. Почему, несмотря на стремление властей избавиться от взяточничества и задержек судебного процесса, возникали такие ситуации? Сколько времени мог провести подозреваемый под арестом? Данные вопросы оказываются актуальными в связи с тем, что конец XVII — первая четверть XVIII века стали для России периодом масштабных судебно-правовых преобразований, которые привели не только к появлению отдельных от администрации органов суда, но и к публикации новых процессуальных законов. Несмотря на ликвидацию многих начинаний Петра I уже в 1727 году, следует отметить, что его реформы длительное время продолжали оказывать влияние на правовую реальность Российской империи.

Цель настоящего исследования — реконструкция организации и порядка заключения под стражу подозреваемых и ответчиков в Российской империи раннего нового времени.

Хронологическими рамками исследования являются 1725—1741 годы. Выбор этого периода обусловлен необходимостью понять, каким образом оказались встроены новые нормы судопроизводства в практику отправления правосудия в первые полтора десятилетия после смерти Петра Великого. Требуется выяснить, как преобразования монарха повлияли на институт предварительного заключения в России. Если нижняя хронологическая граница связана со смертью первого российского императора, то верхняя хронологическая граница определяется восшествием на престол Елизаветы Петровны в ноябре 1741 года, которая установила временный запрет на проведение смертной казни в стране, существенно изменивший ситуацию с содержанием заключенных на местах [Марасинова, 2014; Marasinova, 2019].

Работа основывается на документальных и повествовательных источниках. Повествовательные источники представлены воспоминаниями военнопленного Северной войны Карла фон Роланда — «*Souvenirs de captivité en Russie*» («Воспоминания о пленении в России»), где содержится информация о содержании заключенных в Галиче. Документальные источники составили законодательные акты и материалы судебного делопроизводства, на базе которых преимущественно и было проведено историческое исследование.

Нормативные правовые акты, опубликованные в «*Полном собрании законов Российской империи*» (ПСЗРИ) и ряде других изданий, датируются 1649—1741 годами. В них находятся важные сведения о порядке регу-

лирования заключения под стражу и политике власти по отношению к содержащимся арестантам. Для анализа практики заключения подследственных и ответчиков на местах были привлечены документы суда и следствия, хранящиеся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Государственного архива Свердловской области (ГАСО). В первую очередь это фонды 518 «Кунгурская воеводская канцелярия» (РГАДА), 941 «Тобольский надворный суд» (РГАДА) и 34 «Екатеринбургская контора судных и земских дел» (ГАСО).

Работа зиждется на принципах историзма и объективности. Источниковая база предопределила основные методы и подходы исследования. Ведущими среди них стали методы источниковедения, позволившие произвести внутреннюю критику выявленных исторических источников. Комплексный анализ документальных и повествовательных материалов был произведен с привлечением методов формально-юридического и сравнительно-исторического анализа. Сочетание нормативистского и историко-генетического подходов позволило провести междисциплинарное исследование, находящееся на стыке исторической и юридической наук.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Заключение под стражу во второй половине XVII века — 1741 году: нормативные основания и практика

Особенностью правовой ситуации России XVIII века являлось активное применение нормативных правовых актов, созданных в середине — второй половине XVII столетия. Среди них важнейшим являлось Соборное уложение 1649 года, которое оставалось базовым законодательным актом, применявшимся в органах суда до середины 1830-х годов [Миронов, 2000, с. 10, 38]. Созданные в большом количестве после принятия Соборного уложения указы подчас противоречили друг другу. Несмотря на это, они могли сосуществовать, дополняя и уточняя нормы этой инкорпорации [Латкин, 1909, с. 32; ПСЗРИ, т. 6, с. 189]. Для более полного понимания того, какова необходимость заключения под стражу, рассмотрим базовые законодательные акты, применявшиеся как в годы правления Петра I, так и после его смерти.

По наблюдениям Н. Ш. Коллманн, практика задержания на все время суда и следствия была обычной для XVII века [Коллманн, 2016, с. 117—121]. А. Г. Маньков пришел к выводу, что при возбуждении дела по уголовным или политическим правонарушениям аресту подлежал не только обвиняемый, но и изветчик [Маньков, 1980, с. 241—242]. В этих случаях заключение под стражу применялось более активно.

Статьи Соборного уложения 1649 года не содержат прямых ссылок на арест подозреваемого как общую норму. Несмотря на это, в ряде его пун-

тков можно найти упоминания о необходимости задержания. Статьи 137 и 138 X главы Уложения описывают порядок доставления к суду ответчика: приставу его следует «сыскать» и, отдав на поруки, «к суду ответчику срочити безволокитно». В случае если ответчик скрывался от приставов, его предписывалось доставить в приказ, где принималось решение о передаче на поруки [Соборное уложение 1649 года, с. 121—122]. Таким образом, ответчик оказывался под надзором поручителей. Если ответчик отбивался от пристава и стремился уклониться от суда, его следовало доставить в приказ силой [Соборное уложение 1649 года, с. 122].

Глава XXI также содержит ряд статей, которые декларируют важность держать татей и разбойников, находившихся под следствием, в заточении. Статья 83 предписывала недельщику, посланному на поимку татей и разбойников, никому «не норовить» и не отпускать пойманных правонарушителей [Соборное уложение 1649 года, с. 244]. Статья 101 устанавливала, что ответственность по иску на сбежавших из тюрьмы преступников ложилась на тюремных целовальников, сторожей и все местное сообщество, участвовавшее в выборе этих должностных лиц [Соборное уложение 1649 года, с. 246—247].

Как можно заметить, Соборное уложение уделяло большее внимание предварительному заключению обвиняемых в преступлениях. Ответчики, проходившие по делам, связанным с менее тяжкими правонарушениями, могли быть отпущены на поруки. Бремя доказательства вины ложилось преимущественно на плечи истцов. Ответчики также могли представить свидетелей. Сроки явки к суду, как правило, либо устанавливались органом, имевшим судебные полномочия, либо определялись полюбовно.

Время, отводившееся на завершение дела, и период стадии досудебного расследования, как правило, не оговаривались. Фактически досудебное расследование и собственно судебное разбирательство были слиты. Несмотря на это, во многих статьях законодательного акта можно найти требования избегать волокиты. Например, если истец «не искал» в течение недели после получения ответчиком приставной грамоты, ему отказывали в возможности решения дела [Соборное уложение 1649 года, с. 114].

В целом в Московском государстве уделялось мало внимания вопросам регулирования процедуры ареста и содержания обвиняемых. Это хорошо заметно при изучении текста указа от 21 февраля 1697 года «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах», на важность которого указывали многие ученые [Батиев, 2016, с. 11—12]. Несмотря на то, что в нем подробно расписываются основные этапы судопроизводства, статьи о задержании истцов или

ответчиков отсутствуют, а стадия предварительного расследования по-прежнему не отделяется от суда [ПСЗРИ, т. 3, с. 278—280].

В законодательных актах первой трети XVIII века имеется значительное количество упоминаний о содержании подследственных в канцеляриях учреждений, обложенных судебными полномочиями, и тюрьмах. В частности, указ от 5 ноября 1723 года «О форме суда» впервые прямо называет арест одним из способов обеспечения явки ответчика в суд [ПСЗРИ, т. 7, с. 148]. Основными способами содержания подозреваемых утверждаются взятие на поруки, заключение под стражу в учреждении и домашний арест. Большинство указов о колодниках этого периода были вызваны затягиванием вынесения приговора и скоплением невиновных людей в местах заключения.

Первые попытки уменьшить количество арестантов относятся к концу 1710-х годов — времени появления Юстиц-коллегии. Все указы, посвященные данной проблеме, повелевают решать дела «в самой скорости», без волокиты, «как о том Генеральные регламент и инструкции, и Его Государевы указы повелевают». Основанием для медленного разбирательства могло стать только серьезное уголовное правонарушение [ПСЗРИ, т. 6, с. 177, 191—192]. Причиной этому была необходимость организации допросов и пыток подозреваемых. В соответствии с 9 и 10 статьями XXI главы Соборного уложения 1649 года, все обвиняемые в татьбах и убийствах подвергались пыткам, чтобы узнать о других совершенных правонарушениях [Соборное уложение 1649 года, с. 231]. Как правило, дело не ограничивалось одной пыткой: для получения достоверных сведений подследственных могли пытать до трех раз, с перерывами в несколько недель и даже месяцев [РГАДА, ф. 518, оп. 1, д. 7, л. 34 об.].

Правда, указы от 4 июня 1724 года, 23 декабря 1726 года и 17 апреля 1727 года уже говорят о недопустимости длительного разбирательства дел колодников, обвиняемых в убийстве, разбое или татьбе, «дабы колодников не умножалось, и будучи в долговременном держании надежды им к побегам не было» [ПСЗРИ, т. 7, с. 303, 779].

Сенатские и именные указы рефреном повторяют мысль о том, что по делам о колодниках следует «чинить немедленное решение» [ПСЗРИ, т. 7, с. 779; ПСЗРИ, т. 9, с. 884—886]. Указ от 5 марта 1731 года предписывал разбирать их судебные дела как можно скорее, под угрозой штрафования судьи [ПСЗРИ, т. 8, с. 390]. Кроме того, Сенат начинает собирать регулярные рапорты о «вершёных и не вершёных» делах, что могло стать средством контроля за заключенными под стражу и влияло на скорость судопроизводства в многочисленных органах суда и управления [ПСЗРИ, т. 9, с. 299, 810].

19 декабря 1736 года выходит указ Сената, установивший месячный срок для решения дел о колодниках. Он повторял указы от 19 июля и 11 ноября этого же года [ПСЗРИ, т. 9, с. 1006—1007]. Схожие сроки были установлены Генеральным регламентом для рассмотрения в государственных учреждениях дел любого содержания [Генеральный регламент, с. 111].

Составление списков «вершёных и не вершёных» дел было полезно и для региональных органов власти. Эта введенная Генеральным регламентом практика позволяла вести учет колодников, которые находились в тюрьме длительное время [Генеральный регламент, с. 125]. В частности, реестры об исполнении поступивших в учреждение дел составлялись Екатеринбургской конторой судебных и земских дел, которая обладала особыми судебными полномочиями в отношении суда над жителями территорий, находившихся в ведении Канцелярии главного правления Казанских и Сибирских заводов. Это учреждение занималось не только руководством горнодобывающими и металлургическими предприятиями Урала, Сибири и Поволжья, но и имело исключительное право управления отдельными территориями страны [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 16, л. 105, 297; ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 31, л. 181].

Следует отметить, что трудности заключения подследственных усугублялись практически полным отсутствием различий между содержанием осужденных и подозреваемых в совершении правонарушения. Это хорошо видно на примере состава колодников тюремной избы в Кунгуре, откуда в начале 1720-х годов был совершен побег большой группы заключенных, которая состояла как из уже осужденных тюремных сидельцев, так и из подследственных [РГАДА, ф. 941, оп. 1, д. 5, л. 5—9]. Кроме того, время от времени возникала проблема обеспечения арестантов. Скудность колодников дополнялась нехваткой денег, необходимых для прокормления лиц этой многочисленной категории [ПСЗРИ, т. 9, с. 135].

Содержание подследственных финансировалось преимущественно челобитчиками. Лишь в годы правления Анны Иоанновны ситуация начала меняться. 24 июня 1737 года был издан указ об обеспечении колодников Санкт-Петербургской воеводской канцелярии, по делам которых не имеется истцов, за счет «сборных по делам той канцелярии денег» на сумму до 50 рублей [ПСЗРИ, т. 10, с. 191—192]. Указ с подобным содержанием вышел и 31 марта 1738 года, но изменения коснулись только столичных учреждений [ПСЗРИ, т. 10, с. 453—454].

Сенатский указ от 23 апреля 1738 года требовал как можно скорее решать дела колодников, у которых не было возможности получать «кормовые деньги» от челобитчиков или государства. Закон также предписывал не тратить средства на пропитание арестантов, взыскивая деньги с истцов.

В случае если это было невозможно, заключенных объединяли в связки и отправляли просить подаяние [ПСЗРИ, т. 10, с. 484].

Нормы этого закона повторяли содержание указа от 28 января 1724 года, который предписывал выпускать обвиняемых по челобитничковым делам на волю, если «более кормить не будут». В таких случаях подследственных освобождали на поруки. 23 апреля 1734 года таким образом был «свобожден на росписку» приводной крестьянин Елизар Тихонов, который содержался под арестом с 12 марта 1734 года [РГАДА, ф. 518, оп. 1, д. 36, л. 308]. Похожие ситуации происходили в Екатеринбурге, где весной 1735 года был отпущен «на поруки» беглый полковника Кошелева, который содержался под караулом с 6 июня 1734 года по 3 апреля 1735 года. Ему вменялось «жить в Екатеринбурге и никуда не съезжать» [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 16, л. 258 об.—259].

7 октября 1735 года был отпущен на «добрые поруки» крестьянин Новопышминской слободы Сергей Колесников, заподозренный в порче «икотной болезнью». Он содержался под караулом с 14 августа 1735 года [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 18, л. 76]. В этот же день был освобожден на поруки крестьянин Камышевской слободы Осип Стафеев. Он обвинялся «во взятъе» серого мерина и «в езде на той лошади в башкирские жилища для покупки рыбы». Крестьянин содержался скованным в тюрьме с 7 июня 1735 года [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 18, л. 77—77 об.].

В регионах, где особую роль играло горнозаводское или какое-то иное производство и крестьяне были вынуждены трудиться на заводских работах, отбывая таким образом подушную подать, подследственных могли отпустить на поруки из-за необходимости выполнения положенной на них нормы [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 36, л. 74 об.]. По этой причине, например, 24 января 1736 года присутствие Екатеринбургской конторы судебных и земских дел приняло решение об освобождении на поруки крестьянина Камышевской слободы Лариона Степановых [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 26, л. 48—48 об.].

Как и в предыдущем столетии, в России 1725—1741 годов не сложилось понимания важности создания условий для содержания ответчиков, арестованных по гражданским и уголовным искам. Несмотря на то, что указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 года прямо называет арест в качестве меры, необходимой для проведения следственных мероприятий и своевременного представления ответчика к суду, из поля зрения создателей закона выпали вопросы содержания колодников. В решении вопроса заключения подозреваемых руководство органов, облеченных судебными полномочиями, опиралось на традицию. Как правило, ответчиков содержали родственники либо истцы. В случае невозможности получить корм от них скованных по несколько человек арестантов выводили на торговые

площади для прошения милостыни. Лишь в немногих ситуациях государство брало на себя бремя ответственности за обеспечение подследственных и иных категорий заключенных.

На повестке дня продолжала стоять проблема скученности арестантов и антисанитарии в местах их содержания. Это хорошо видно по воспоминаниям офицера шведской армии Карла фон Роланда, в которых описана тюрьма Галича — города, где он провел какое-то время в качестве военнопленного Северной войны. Часть «замка» воеводы, окруженного высоким тыном, была выделена под арестантов. Вход в эти помещения был низким и узким, туда попадали только ползком. На входной двери висел большой замок. Колодники находились в духоте и практически полной темноте [Roland, 2006, p. 642—643].

3.2. Ревизионно-решающий порядок утверждения и пересмотра судебных решений и территориальный фактор в первой половине XVIII века

Длительность сроков содержания арестантов была также связана с запретом региональным органам власти, облеченным судебными полномочиями, выносить смертные приговоры без согласования с вышестоящими инстанциями. По наблюдениям Д. О. Серова, в годы петровских реформ воссоздается и законодательно оформляется ревизионно-решающий порядок утверждения и пересмотра судебных решений, который впервые был установлен Судебником 1497 года, но не получил никакого закрепления в законодательных актах XVII века. Нормы о необходимости ревизионно-решающего порядка судопроизводства были сначала включены в текст военных законов, в частности, — Краткого артикула 1706 года. Все вынесенные кригсрехтами (военными судами) приговоры подлежали утверждению строевым командованием [Серов, 2009, с. 338—351].

Окончательное оформление ревизионно-решающего порядка утверждения и пересмотра судебных решений в военно-уголовном процессе произошло после учреждения Военной коллегии и принятия указа от 3 марта 1719 года. Согласно закону, все приговоры полковых и генеральных кригсрехтов утверждались командующими военными подразделениями [ПСЗРИ, т. 5, с. 670]. Приговоры по обвинениям в смертной казни повторно рассматривались в Военной коллегии. Более того, дела офицеров, приговоры которых были подтверждены Военной коллегией, передавались на окончательное утверждение царя [ПСЗРИ, т. 6, с. 410].

В 1721 году ревизионно-решающий порядок рассмотрения и утверждения судебных приговоров был распространен и на другие органы власти, облеченные судебными полномочиями. IX глава «О судах гражданских» Регламента Главного магистрата, принятого 14 января 1721 года, устанавли-

ливала, «ежели какое дело будет смертной казни, о решении подписав сентенции, писать им в Главный магистрат, и пока от него на оное подтверждения к ним прислано не будет, то до тех мест в таких делах экзекуции им не чинить» [ПСЗРИ, т. 6, с. 296]. 5 июля 1721 года Юстиц-коллегия выпустила распоряжение схожего содержания, касавшееся судов общей юрисдикции. Согласно указу коллегии, «нижним судам» повелевалось посылать в надворные суды не только приговоры, но и выписки с характеристикой содержания дела. Если приговор не утверждался, дело направлялось на повторное рассмотрение в суд первого звена, от которого требовалось исправить все недочеты, выявленные вышестоящей инстанцией при изучении дела [Серов, 2009, с. 347—348, 469].

10 ноября 1721 года рассмотренное выше распоряжение Юстиц-коллегии нашло закрепление в именном указе, состоявшееся в Сенате. Закон предписывал отсылать из низших судов в высшие дела преступников, достойных ссылки на галеры или смертной казни. Вместе с делом в губернский центр передавался и обвиняемый. Если надворный суд находился в столице губернии, подписание приговоров следовало производить «с призывом губернаторов и вице-губернаторов». Любое несоблюдение этого правила грозило наказанием [ПСЗРИ, т. 6, с. 452—453]. Переработанный текст указа был включен в проект инструкции провинциальным судам 1722 года, которая была опубликована М. М. Богословским в начале XX века [Богословский, 1902, с. 35].

После смерти Петра Великого ревизионно-решающий порядок решения и пересмотра дел был укреплен, что нашло выражение в указе от 8 октября 1726 года. Согласно закону, приговоры, которыми назначалась смертная казнь или политическая смерть (лишение прав состояния), теперь утверждались Верховным Тайным Советом [ПСЗРИ, т. 7, с. 700; Серов, 2009, с. 405]. Большой объем дел, каравшихся смертной казнью или политической смертью, привел к появлению указов, пояснявших, какие приговоры поступали на рассмотрение Верховного Тайного Совета. 10 марта 1727 года Сенат указал, что закон от 8 октября 1726 года распространяется на утверждение приговоров, вынесенных только судебными учреждениями Санкт-Петербурга [ПСЗРИ, т. 7, с. 754]. Закон от 31 декабря 1727 года декларировал, что приговоры по особо тяжким преступлениям, вынесенные центральными органами власти, следует утверждать Сенату. Приговоры региональных органов суда рассматривались губернскими канцеляриями [ПСЗРИ, т. 7, с. 912, Готье, 1913, с. 401].

16 пункт Наказа губернаторам, воеводам и их товарищам 1728 года предписывал не исполнять приговоры, вынесенные судом воевод с ассессорами, которыми осужденные приговаривались к ссылке на галеры или

к смертной казни, прежде их «апробации» губернаторами. Главам губерний следовало утвердить приговор в течение 1—2 недель, «не отговариваясь ничем, чтоб от того продолжения колодников не умножалось». Решённые дела вместе с колодниками предписывалось отсылать обратно воеводам для исполнения приговора [ПСЗРИ, т. 8, с. 100]. В годы правления Елизаветы Петровны исполнение смертных приговоров было запрещено, что, безусловно, привело к росту числа колодников в тюрьмах. Указ от 7 мая 1744 года передал проверку вынесенных центральными и региональными органами власти приговоров Сенату, который требовал от «всех коллегий и канцелярий, губерний и провинций и всех команд» присылки перечневых выписок о колодниках, осужденных на смертную казнь или политическую смерть [ПСЗРИ, т. 12, с. 114].

Таким образом, попытки контролировать содержание арестантов сводились преимущественно к формальности: государство стремилось следовать установленному еще в XVII веке правилу о месячном сроке решения дел и собирало списки о «вершёных и не вершёных» делах и содержащихся по ним колодниках [ПСЗРИ, т. 3, с. 68—69, 85]. Кроме того, одним из способов разгрузить места заключения являлась практика помилования мелких правонарушителей и подсудимых в периоды болезни или кончины монарха [ПСЗРИ, т. 7, с. 409—410; ПСЗРИ, т. 11, с. 277—280].

Проблема переполненности тюрем подсудимыми находилась в тесной связи со стремлением государства контролировать исполнение приговоров по наиболее тяжким преступлениям, карой за которые являлись смертная казнь, политическая смерть и ссылка на каторгу. Анализ законодательных актов свидетельствует о двух противоречивых тенденциях в организации судебного процесса и последующего исполнения наказаний. С одной стороны, государство в лице монарха и лиц, занимавших посты в высших и центральных органах государственной власти, стремилось как можно быстрее решать дела колодников, так как возможности для их содержания были ограничены. Несмотря на это арест являлся одной из немногих возможностей скорого доставления тяжущихся и других участников процесса к суду.

С другой стороны, верховная власть не имела полного доверия к лицам, осуществлявшим правосудие, что проявилось во внедрении практики утверждения судебных решений нижестоящих учреждений вышестоящими. Пересылка выписки по делу и обвиняемого из уезда в губернский центр и обратно не была быстрой. В некоторых случаях, как, например, в Сибирской губернии, она могла растянуться на несколько месяцев. Как правило, арестантов перевозили на «коште виноватого». Если таких возможностей не было, обвиняемых объединяли в группы для перевозки в гу-

бернский центр. Это решение позволяло сэкономить лошадей и подводы, а также уменьшало количество сопровождавших обозы солдат.

Немаловажную роль при транспортировке подследственных играли протяженность и состояние дорог, расстояние между административными центрами. Так, например, по данным Д. А. Редина, самым благоприятным участком дороги в Западной Сибири был кусок тракта между Тюменью и Тобольском (около 235 км). В соответствии с данными Г. Ф. Миллера, во второй половине 1730-х — начале 1740-х годов этот участок пути можно было преодолеть за 2—4 дня. 3—5 дней требовалось потратить на путешествие между Екатеринбургом и Тюменью в 1733 году [Редин, 2007, с. 373—374]. Следует отметить, что немецкому ученому создавались наилучшие условия для путешествий по восточным территориям России, тогда как региональные органы власти не всегда имели возможности скорой переправки колодников. Состояние дорог зависело от времени года: в весеннюю и осеннюю распутицу перемещения оказывались невозможны [Редин, 2007, с. 378—379].

Кроме того, к увеличению сроков, отводившихся на отправление правосудия, приводила передача подследственных из одного органа власти в другой. Дело могло начаться в одном учреждении и после первичных следственных мероприятий быть передано на рассмотрение уполномоченной инстанции. Так, например, весной 1735 года рассматривалось дело башкира Каштана Якшугулова, который содержался в Ягошихинском бергамте по обвинению в «бое и увечье» башкирской жены Шупты Акбашевой. В результате изучения всех обстоятельств Екатеринбургская контора судных и земских дел приняла решение передать башкира в Уфимскую провинциальную канцелярию, в которой «онные башкирцы судом ведомы» [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 17, л. 63].

В июне 1737 года в Екатеринбург с Каменского завода были присланы «смертноубийца» Аввакум Некрасов, а также «приличившиеся по тому делу» Василий и Федор Колмогоровы и Яков Бехтерев. А. Некрасов содержался под арестом в Каменской земской конторе с 12 апреля 1737 года. Екатеринбургской конторе судных и земских дел предстояло изучить материалы следствия и вынести приговор по этому делу [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 31, л. 149—151 об.]. Приговор был вынесен 9 июня, то есть спустя два месяца после заключения обвиняемого.

Как можно заметить, на Урале сложилась собственная система соподчиненных органов горнозаводского управления, некоторые из которых взяли на себя функции, выполнявшиеся в других регионах губернаторами. Высшей инстанцией по судебным делам в регионе с конца 1734 года являлась Канцелярия главного заводов правления. На ее суд с 1737 года следовало передавать дела колодников, которые подлежали пытке, наказанию

кнутом или ссылке на каторжную работу. По распоряжению Канцелярии, Екатеринбургская контора судебных и земских дел передавала приговоры для «апробации» с пространном экстрактом по делу [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 31, л. 254]. В свою очередь, земские и заводские конторы подчиненных административно-территориальных единиц направляли все «сложные» дела в Контору. В 1738 году Канцелярия главного заводов правления получила право утверждать приговоры, предполагавшие смертную казнь в качестве наказания [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 36, л. 73].

Географическая близость судебно-административных учреждений Екатеринбурга значительно сокращала время на апробацию дела, но в некоторых случаях не уменьшала сроки его рассмотрения, когда требовалось допросить свидетелей, проживавших в других губерниях. Так, например, в январе 1738 года в Екатеринбургскую контору судебных и земских дел поступил запрос из Казанской губернии о поиске и допросе свидетелей. Материалы допросов следовало отправить в Казань [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 30, л. 32]. Подобные запросы могла делать и сама Контора.

До утверждения приговора губернатором или иной вышестоящей инстанцией обвиняемый не считался осужденным, но, как правило, находился в заточении. Следует предположить, что в 1721—1744 годы наибольшую нагрузку испытывали места заключения в губернских центрах, так как здесь концентрировались обвиняемые, присылавшиеся из разных уездов административно-территориальной единицы.

Возвращенный Петром I ревизионно-решающий способ утверждения приговоров и пересмотра судебных решений был особенностью судопроизводства Российской империи XVIII века. Он являлся одним из «препятствий» для осуществления скорого правосудия и создавал условия для длительного заключения ответчиков и подозреваемых. Одной из причин медленности отправления правосудия была также протяженность территории Российской империи. Сложности коммуникации между отдельными регионами страны играли немаловажную роль как в ходе следственных мероприятий, так и при вынесении и утверждении приговора.

4. Заключение = Conclusions

В Российской империи 1725—1741 годов регулирование вопросов ареста и стадии предварительного следствия не отделялось от судопроизводства и продолжало основываться на статьях Соборного уложения 1649 года, указе «Об отмене в судебных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» 1697 года и указе «О форме суда» 1723 года. Если в Соборном уложении мы можем найти лишь кос-

венные свидетельства о заключении ответчиков и подозреваемых, то указ от 1697 года не содержит никаких сведений о требовании ограничения их передвижений. Лишь указ от 1723 года впервые открыто говорит о необходимости ареста.

Положения указа «О форме суда» 1723 года утвердили уже существовавшую практику. Несмотря на это, в законодательстве второй половины XVII—XVIII веков отсутствовали нормы, которые бы могли обеспечить ее исправное функционирование. Об этом свидетельствуют множественные указы о скорейшем решении дел, периодически появлявшиеся в течение всего рассматриваемого периода.

Задержки в производстве следственных мероприятий были вызваны разными причинами. Одной из них была протяженность территории государства, мешавшая скорой коммуникации между органами, облеченными судебными полномочиями, которые могли находиться в разных административно-территориальных единицах. Второй причиной было отсутствие заинтересованности со стороны челобитчиков. Как гражданские, так и уголовные дела возбуждались частным иском. Это обстоятельство являлось немаловажным фактором быстроты решения дела. Активность истцов, а иногда и самих ответчиков являлась залогом внимания делопроизводителей и членов присутствия к отправлению правосудия. Бездействие обуславливало затягивание судебного процесса и долговременность заключения.

Некоторые судебно-следственные дела оказывались незавершенными. То же касалось и правежа по искам. Причиной такой ситуации была статья 92 главы XXI Соборного уложения 1649 года, которая предписывала отпускать задержанных на поруки, если челобитчики не были у дела «лет пять и больше» [Соборное уложение 1649 года, с. 245]. Несмотря на то, что норма касалась только правонарушителей, находившихся у правежа, время от времени она использовалась для отпуска и уже сознавших в своих деяниях правонарушителей [РГАДА, ф. 518, оп. 1, д. 45, л. 31]. Эту норму дополняли законодательные акты 1720-х — 1730-х годов, устанавливавшие месячный срок для решения всех дел.

Освобождение ответчиков на поруки во многих случаях было обоснованным. Тем не менее стоит отметить, что время от времени оно шло вразрез с другими нормами права рассматриваемого периода, особенно если это касалось совершения тяжких преступлений. Сама процедура заключения под стражу была плохо регламентирована: места заключения были переполнены и находились в неудовлетворительном состоянии.

Несмотря на стремление усовершенствовать систему правосудия в России, которое нашло выражение в проведении судебной реформы

Петра I и законодательных актах его преемников, декларировавших необходимость справедливого и скорого правосудия, оно так и не было обеспечено соответствующей законодательной базой. Стремление модернизировать систему управления и суда в первой четверти XVIII века провалилось вследствие игнорирования основ организации судебного процесса. Проблема содержания под арестом подозреваемых и ответчиков оставалась «слепой зоной» законодательства. В зависимости от содержания и характера дела ответчики, а иногда истцы и свидетели, могли находиться под арестом от одного дня до нескольких лет [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 16, л. 91, 92—93 об.; РГАДА, ф. 518, оп. 1, д. 42, л. 44—44 об., 346—347 об., 358—360 об., 489—496].

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области*. Ф. 34. Оп. 1. Д. 16—18, 26, 30, 31, 36.
2. *Генеральный регламент // Реформы Петра I. Сборник документов*. — Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. — С. 108—135.
3. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года*. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Том II. 1676—1688. — 977 с. ; Том III. 1689—1699. — 691 с. ; Том V. 1713—1719. — 781 с. ; Том VI. 1720—1722. — 818 с. ; Том VII. 1723—1727. — 925 с. ; Том VIII. 1728—1732. — 1018 с. ; Т. IX. 1733—1736. — 1025 с. ; Т. X. 1737—1739. — 996 с. ; Т. XI. 1740—1743. — 990 с. ; Т. XII. 1744—1748. — 961 с.
4. РГАДА — *Российский государственный архив древних актов*. Ф. 518. Оп. 1. Д. 7, 36, 42, 45 ; Ф. 941. Оп. 1. Д. 5.
5. *Соборное уложение 1649 года // Российское законодательство X—XX веков : в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О. И. Чистякова*. — Москва : Юридическая литература, 1985. — Т. 3. — С. 76—446.
6. *Roland C. von. Souvenirs de captivité en Russie / C. von Roland // Cahiers du Monde russe*. — 2006. — Vol. 47 / 3. — Pp. 615—658. — DOI: 10.4000/monderusse.8844.

Литература

1. *Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина / Е. В. Акельев*. — Москва : Молодая гвардия, 2012. — 415 с. — ISBN 978-5-235-03508-9.
2. *Анисимов Е. В. Дыба и кнут : политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е. В. Анисимов*. — Москва : Новое литературное обозрение, 1999. — 719 с.
3. *Батиев Л. В. Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России / Л. В. Батиев // Актуальные проблемы российского права*. — 2016. — № 11 (72). — С. 11—18. — DOI: 10.17803/1994-1471.2016.72.11.011-018.
4. *Богословский М. М. Областная реформа Петра Великого : Провинция 1719—1727 гг. / М. М. Богословский*. — Москва : Университетская типография, 1902. — 581 с.
5. *Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727—1775 гг. / Ю. В. Готье*. — Москва : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1913. — Т. 1. — 472 с.

6. *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях / Ф. М. Дмитриев. — Москва : Университетская типография, 1859. — 588 с.

7. *Есипов Г. В.* Люди старого века : Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии / Г. В. Есипов. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1880. — 451 с.

8. *Кавелин К. Д.* Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях / К. Д. Кавелин // Собрание сочинений К. Д. Кавелина. — Санкт-Петербург : Типографии М. М. Стасюлевича и Н. П. Собко, 1904. — Т. 4. — Ст. 205—420.

9. *Каменский А. Б.* Повседневность русских городских обывателей : исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. / А. Б. Каменский. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2006. — 403 с. — ISBN 5-7281-0807-5.

10. *Коллманн Н. Ш.* Преступление и наказание в России раннего нового времени / Н. Ш. Коллманн. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016. — 616 с. — ISBN 978-5-4448-0592-3: 1000 экз.

11. *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.) / В. Н. Латкин. — Санкт-Петербург : Типография Мотвида, 1909. — 652 с.

12. *Линовский В. А.* Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В. А. Линовский. — Одесса : Типография Л. Нитче, 1849. — 262 с.

13. *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года — кодекс феодального права России / А. Г. Маньков. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1980. — 271 с.

14. *Марасинова Е. Н.* Смертная казнь и политическая смерть в России середины XVIII века / Е. Н. Марасинова // Российская история. — 2014. — № 4. — С. 53—69.

15. *Мещанинов И. В.* Из истории русской тюрьмы. Лекция, прочитанная 25 марта 1905 г. сенатором И. В. Мещаниновым посетителям Санкт-Петербургского комитета для оказания содействия молодым людям в достижении нравственного и физического развития (Маяк) / И. В. Мещанинов. — Санкт-Петербург : Типолитография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1905. — 22 с.

16. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) / Б. Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2000. — Т. 2. — 568 с.

17. *Михайлов М. М.* Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 года до издания свода законов / М. М. Михайлов. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1856. — 220 с.

18. *Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней. 1560—1880 г. / В. Н. Никитин. — Санкт-Петербург : Типография Г. Шпарварт, 1880. — 680 с.

19. *Печников А. П.* Тюремные учреждения российского государства (1649 — октябрь 1917 гг.) : Историческая хроника / А. П. Печников. — Москва : Щит-М, 2004. — 324 с. — ISBN 5-93004-166-0.

20. *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старобрядцев в XVIII в. / Н. Н. Покровский. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1974. — 394 с.

21. *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711—1727 гг.) / Д. А. Редин. — Екатеринбург : Волот, 2007. — 608 с. — ISBN 5-89088-038-1.

22. *Семевский М. И.* Слово и дело! 1700—1725 / М. И. Семевский. — Санкт-Петербург : Русская симфония : Б-ка акад. наук, 2006. — 319 с. — ISBN 5-91055-011-X.
23. *Сергеевский Н. Д.* Наказание в русском праве XVII века / Н. Д. Сергеевский. — Санкт-Петербург : А. Ф. Цинзерлинг, 1887. — 314 с.
24. *Серов Д. О.* Судебная реформа Петра I : Историко-правовое исследование. Монография / Д. О. Серов. — Москва : Зерцало, 2009. — 488 с. — ISBN 978-5-94373-161-7.
25. *Филиппов А. Н.* О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформой / А. Н. Филиппов. — Москва : Унив. тип., 1891. — 470 с.
26. *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюремоведением / И. Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : Типография Министерства путей сообщения, 1889. — 514 с.
27. *Хрусталева Л. А.* Судебно-правовые реформы Петра I : Конец XVII — первая четверть XVIII в. : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Л. А. Хрусталева. — Москва, 2003. — 233 с.
28. *Marasina E.* The Death Penalty Moratorium in 18th-century Russia / E. Marasina // *Quaestio Rossica*. — 2019. — Т. 7. — № 4. — Pp. 1086—1106. — DOI: 10.15826/qr.2019.4.426.
29. *Wartman R.* Peter the Great and Court Procedure / R. Wartman // *Canadian-American Slavic Studies*. — 1974. — Vol. 8. — № 2. — Pp. 303—310.

Material resources

- General Regulations. (1937). *Reforms of Peter I. Collection of documents*. Moscow: State Socio-Economic Publishing House. 108—135. (In Russ.).
- Roland, C. von. (2006). Souvenirs de captivité en Russie. *Cahiers du Monde russe*, 47/3: 615—658. DOI: 10.4000/monderusse.8844. (In Franc.).
- Russian State Archive of Ancient Acts*. F. 518. Op. 1. d. 7, 36, 42, 45; F. 941. Op. 1. D. 5. (In Russ.).
- State Archive of the Sverdlovsk region*. F. 34. Op. 1. D. 16—18, 26, 30, 31, 36. (In Russ.).
- The Cathedral Code of 1649. Russian legislation of the X—XX centuries: in 9 volumes*, 3. (1985). Moscow: Legal Literature. 76—446. (In Russ.).
- The complete collection of laws of the Russian Empire since 1649*. (1830). St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancery. (In Russ.).

References

- Akeliev, E. V. (2012). *Everyday life of the thief's world of Moscow in the time of Vanka Cain*. Moscow: Molodaya gvardiya. 415 p. ISBN 978-5-235-03508-9. (In Russ.).
- Anisimov, E. V. (1999). *The Rack and the whip: Political investigation and Russian society in the XVIII century*. Moscow: New Literary Review. 719 p. (In Russ.).
- Batiev, L. V. (2016). Decree of February 21, 1697 and the reform of judicial proceedings in Russia. *Actual problems of Russian law*, 11 (72): 11—18. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.72.11.011-018. (In Russ.).
- Bogoslovsky, M. M. (1902). *The regional reform of Peter the Great: The Province of 1719—1727*. Moscow: University Printing House. 581 p. (In Russ.).
- Dmitriev, F. M. (1859). *The history of judicial instances and civil appellate proceedings from the Judicial Officer to the Institution of the provinces*. Moscow: University Printing House. 588 p. (In Russ.).
- Esipov, G. V. (1880). *People of the Old Century: Stories from the cases of the Preobrazhensky Order and the Secret Chancellery*. St. Petersburg: A. S. Suvorin Printing House. 451 p. (In Russ.).

- Filippov, A. N. (1891). *On punishment under the legislation of Peter the Great in connection with the reform*. Moscow: Univ. tip. 470 p. (In Russ.).
- Foynitsky, I. Ya. (1889). *The doctrine of punishment in connection with prison studies*. St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Railways. 514 p. (In Russ.).
- Gauthier, Yu. V. (1913). *History of regional administration in Russia from Peter I to Catherine II. Reform of 1727. Regional division and regional institutions of 1727-1775, 1*. Moscow: Printing house of G. Lissner and D. Sovko. 472 p. (In Russ.).
- Kamensky, A. B. (2006). *Everyday life of Russian urban inhabitants: historical anecdotes from provincial life of the XVIII century*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 403 p. ISBN 5-7281-0807-5. (In Russ.).
- Kavelin, K. D. (1904). The main principles of the Russian judicial system and civil proceedings in the time period from the Code to the Institution of the provinces. In: *Collected works of K. D. Kavelin, 4*. St. Petersburg: Printing houses of M. M. Stasyulevich and N. P. Sobko. 205—420. (In Russ.).
- Khrustalev, L. A. (2003). *Judicial and legal reforms of Peter I: The end of the XVII — the first quarter of the XVIII century*. PhD Diss. Moscow. 233 p. (In Russ.).
- Kollmann, N. S. (2016). *Crime and punishment in early Modern Russia*. Moscow: New Literary Review. 616 p. ISBN 978-5-4448-0592-3: 1000 copies. (In Russ.).
- Latkin, V. N. (1909). *Textbook of the history of Russian law of the Empire period (XVIII and XIX centuries)*. St. Petersburg: Motvida Printing House. 652 p. (In Russ.).
- Linovsky, V. A. (1849). *The experience of historical investigations on investigative criminal proceedings in Russia*. Odessa: L. Nitche Printing house. 262 p. (In Russ.).
- Mankov, A. G. (1980). *The Code of 1649 — the Code of feudal law of Russia*. Leningrad: Nauka, Leningrad Branch. 271 p. (In Russ.).
- Marasinaova, E. N. (2014). Capital punishment and political death in Russia in the middle of the XVIII century. *Russian history, 4*: 53—69. (In Russ.).
- Marasinaova, E. (2019). The Death Penalty Moratorium in 18th-century Russia. *Quaestio Rossica, 7 (4)*: 1086—1106. DOI: 10.15826/qr.2019.4.426.
- Meshchaninov, I. V. (1905). *From the history of the Russian prison. A lecture delivered on March 25, 1905 by Senator I. V. Meshchaninov to visitors of the St. Petersburg Committee to assist young people in achieving moral and physical development (Mayak)*. St. Petersburg: Typolithography of the St. Petersburg prison. 22 p. (In Russ.).
- Mikhailov, M. M. (1856). *Russian civil procedure in its historical development from the Code of 1649 to the publication of the Code of Laws*. St. Petersburg: Printing House of the II Department Of Its Own E. I. V. Chancellery. 220 p. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (2000). *Social history of Russia during the Empire period (XVIII — early XX century), 2*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publishing House. 568 p. (In Russ.).
- Nikitin, V. N. (1880). *Prison and exile. Historical, legislative, administrative and living conditions of prisoners, messengers, their children and those released from custody, from the time of the emergence of the Russian prison to the present day. 1560—1880*. St. Petersburg: Shparvart Printing House. 680 p. (In Russ.).
- Pechnikov, A. P. (2004). *Prison institutions of the Russian state (1649 — October 1917): Historical chronicle*. Moscow: Shield-M. 324 p. ISBN 5-93004-166-0. (In Russ.).
- Pokrovsky, N. N. (1974). *Antifeudal protest of Ural-Siberian peasants-Old Believers in the XVIII century*. Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch. 394 p. (In Russ.).

- Redin, D. A. (2007). *Administrative structures and bureaucracy of the Urals in the era of Peter the Great's reforms (western counties of the Siberian province in 1711—1727)*. Yekaterinburg: Volot Publishing House. 608 p. ISBN 5-89088-038-1. (In Russ.).
- Semevsky, M. I. (2006). *Word and deed! 1700—1725*. Saint-Petersburg: Russian Symphony. B-ka akad. nauk. 319 p. ISBN 5-91055-011-X. (In Russ.).
- Sergeevsky, N. D. (1887). *Punishment in the Russian law of the XVII century*. St. Petersburg: A. F. Tsinslerling. 314 p. (In Russ.).
- Serov, D. O. (2009). *Judicial reform of Peter the Great: Historical and legal research. Monograph*. Moscow: Zertsalo. 488 p. ISBN 978-5-94373-161-7. (In Russ.).
- Wartman, R. (1974). Peter the Great and Court Procedure. *Canadian-American Slavic Studies*, 8 (2): 303—310.

Статья поступила в редакцию 01.08.2021,
одобрена после рецензирования 28.03.2022,
подготовлена к публикации 02.05.2022.